

Е. Н. Юркевич

Национальный университет «Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого», зав. кафедрой логики,

докт. филос. наук, профессор,

г. Харьков

Свобода в экзистенциально-герменевтическом аспекте

Свобода наряду с истиной представляет доминантные философские ценности, телеологические идеи для персонального духовного опыта.

Экзистенциальный аспект свободы представляет индикатор миропонимания современного человека в контексте определённой культуры. В самопонимании в соприкосновении с культурными контекстами создаётся проект мира, с которым впоследствии идентифицируется человек. Отношения с миром структурируются согласно модели герменевтического круга. Успешность и масштабы проективной идентификации человека и мира во многом обусловлены степенью внутренней свободы. Смыслообразование во внутреннем герменевтическом процессе расширяет горизонт понимания, тем самым «освобождая» человека от предыдущего смыслового масштаба. Каждый раз смысловые расширения вызывают психоэмоциональную перестройку в сознании, которую часто обозначают как актуальное «чувство свободы», катарсическое состояние внутреннего духовного роста. Переживание свободы на протяжении жизни составляет опыт свободы, богатство которого представляет личностную характеристику накопленной внутренней силы.

В русской философии акцентированное внимание к экзистенциальному аспекту свободы при самопонимании уделялось, в частности, Н. Бердяевым. В плоскости личной жизни вычленяется духовное пространство, рассматривается качественное изменение духовных состояний с тем, чтобы сделать вывод о том, как изменяется личность как социальное лицо. Подобный аутогерменевтический опыт проводится с преломлением в нём русской религиозно-философской традиции; личностный смысл является как

Откровение. В этом смысле духовная автобиография метаисторична, как биография Христа.

Духовная автобиография оформляется при помощи апофатического метода, характерного для экзегетики. Отрицание возможных позитивных, но неприемлемых для персональной экзистенции смыслов предстаёт в качестве негативного пути освобождения, при котором свобода в своей персонифицированной форме остаётся тайной. Оформление апофатической аналитики происходит согласно модели герменевтического круга, в котором также есть свой «горизонт понимания». Отличительным в структуре моделирующего аналитику круга будет актуализация центра и движение «по диаметру». Это движение в создании духовной автобиографии продиктовано, прежде всего, интенцией к отысканию духовного «центра» как внутренней точки опоры. Априорным в движении к духовному центру было для Бердяева утверждение об активном отношении к истории. Память находит те «экзистенциальные следы» в автобиографии, которые автоматически будут оценены как значимые и будут подвергнуты истолкованию в интроспективном диалоге. Осмысление истории трактуется как преодоление временности жизни. Экзистенциалом внутренней свободы является вечность.

Путь к свободе драматизируется. Экзистенциальная драма разворачивается вокруг таинственного «центра» – смысла всей жизни, который в отечественной философской традиции именуется «судьбой». Судьба – это единый лейтмотив жизненной драмы, мистический смысл, понять который человек стремится до конца своего жизненного времени. Понимание собственной судьбы есть высший тип самопонимания в процессе самопознания жизненной драмы. «Линия судьбы» выстраивается символически, представляя переживания противоречий реальных событий и идеального мира свободного духа. В совокупности таинственный мир личности – это мир двойственной экзистенции, «мир мечты и воображения». В реальности же остаётся неудовлетворённость и отчаяние, недостаток любви к жизни. Это подтверждается и эсхатологической перспективой русской истории, «болезнью

к смерти». А также – идеоборчеством, радикальной критикой, ценностным негативизмом, нигилизмом, материалистическим цинизмом. Свобода духа остаётся «по ту сторону» жизни, а эсхатологически обусловленная любовь приобретает вид любви к смыслу, которая выше любви к жизни; любви к духу, которая выше любви к миру. По сути, экстатический выход к смыслу и духу (духовному смыслу) представляет собой символическую смерть для жизни фактической.

Бердяев отмечал внутреннее несоответствие силы духа и слабости души. Отсюда сопутствующим экзистенциалом свободы является страх. Страх делает из свободы тайну, оставляя интеллектуальное бунтарство неплодотворным. Проблемой экзистенции свободы является социализация с её волевой устремленностью (воля к власти) и способностью действия.

Соборность, как экзистенциальное «мы», принимает те же характеристики свободы, где символический характер духовной коммуникации освобождает человека от социокультурной реальности таким же символическим способом. Русский дух, о котором писал Бердяев, в отличие, скажем, от германского, свободу содержит в тайне и хранит эту тайну от жизни и социума. Святое Писание в этом аспекте остается символическим ориентиром, а не действительной целью, к которой стремится понимающий разум. Понимание здесь есть средство духовного самосовершенствования и самоудовлетворения, капсулирует свободу в её экзистенциальном измерении.

Литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Книга, 1991. – 446 с.; 2. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.; 3. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Высш. шк., 1991. – 559 с. – (Б-ка философа); 4. Юркевич Е. Н. Герменевтические идеи в восточнославянской философской традиции. – Харьков: Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2002. – 254 с.

Юркевич Е.Н. Свобода в экзистенциально-герменевтическом аспекте / Е. Н. Юркевич // Реалії та ілюзії свободи: філософський аналіз сучасності. Матеріали учасників Всеукраїнської науково-практичної конференції (Полтава, 21-22 жовтня 2011 року). – Полтава: ПНПУ імені В. Г. Короленка, 2011. – С. 17-19.